

Соб. корреспондент, 1985, 23 апр

-МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ-

СТРОКУ ДИКТУЕТ ЧУВСТВО

МЫ ГОВОРИМ, характер города, говорим, традиции театра. И часто забываем о том, что во многом их определяет, — о природе, климате, географическом ландшафте. Камчатский театр притулился к сопке, а за сопкой — океан. В окна фойе Владивостокской драмы зрители рассматривают суда, стоящие в заливе Золотой Рог. На тротуаре перед Сухумским грузинским драматическим театром имени К. Гамсахурдиа растут пальмы. Сухумское солнце, добросердечные и темпераментные горожане, репетиционные будни — все осталось позади, и начались первые для театра гастроли в весенней Москве. Артистов из Сухуми принял Театр имени А. С. Пушкина на Тверском бульваре; они вышли, на сцену легендарного Камерного театра, на подмостки, знавшие Алису Коонен.

Сухумцы привезли шесть спектаклей. Ну что ж, всего не покажешь, а гастрольный репертуар выглядит сбалансированно.

«Закон вечности» Н. Думбадзе (режиссер Г. Жордания) полифоничен, как и роман замечательного писателя. Здесь сохранен юмор Думбадзе, эпическое дыхание его письма. В окруженное светлыми занавесами пространство сцены сопровождаемые воем сирены вбегут люди, останутся, и кто-то произнесет: «инфаркт». Койку Бачаны Рамишвили откатят в сторону, а на сцене пойдут сменять друг друга картины его воспоминаний. Сначала отдельными словами, потом репликами, целыми фразами Бачана начнет участвовать в действии, пока, наконец, сон не сокинется с реальным течением жизни. Тогда герой встанет, преодолев болезнь, сделав открытие, что «душа человека тяжелее его тела», а любовь к бытию безмерна...

«Венецианский кулец» Шекспира (режиссер Д. Алексидзе) поставлен в легких, розового тона декорациях, на которых тонким перышком, ажурно, кружевно написаны деревья и птицы. Танцы спектакля тоже легки, как цветные ленты на костюмах танцующих, тарантелла воздушна. В этот безмятежный христианско-пасторальный мир кинжалом вонзается мощная, трубяная нота, сопровождающая Шейлока...

«День приема» А. Чхидзе деловит, как деловитая атмосфера радиостудии. В какой-то степени название говорит нам не только о дне приема у председателя горисполкома, но и о режиссерском приеме, одном-единственном, но последовательно воплощенном. Театр не скрывает своей изнанки, пользуясь сугубо конкретным переносом действия в радиотеатр, где артисты разыгрывают (не забывая о микрофонах и поднимая громким указаниям режиссера) пьесу драматурга Чхидзе...

«Числа» М. Бузника, обладающая единством места и времени, оказывается у сухумцев очень разговорным спектаклем, членимая на диалоги. Действие происходит в сером, как бы металлическом пространстве, которому соответствуют серые костюмы действующих лиц.

«Десница великого мастера» К. Гамсахурдиа — историческая эпопея, сплетающая две судьбы, царя и гениального строителя, под сводами храмов и крепостей. Сюжетные события, пронизанные философскими размышлениями о судьбах мира, нашли цельную, эстетически содержательную форму.

«Фронт» А. Корнейчука поставлен не как последовательно развивающиеся действия, а как отобранные страницы пьесы, чередующиеся с пластическими сценами. Все это призвано выразить героическое отношение к ней театра...

Последние четыре спектакля поставил художественный руководитель театра Г. Кавтарадзе.

В работах сухумцев мы встретились с тем особым способом сценического существования, который, являясь по сути глубоко бытовым, учитывающим реальность, окружающую актера на сцене как реальность жизненную, остается эмоционально неподнятым. Потому часто кажется, что артисты, глядя друг другу в глаза, видят не только собеседника, но и что-то гораздо более значительное. В сухумских актерах живет негасимый огонь внутренней страсти.

В «Законе вечности» рядом с сугубо психологическими картинами предстает экцентрическая сцена кумушек-сплетниц, отчаянно и ритмично бьющих пестиками по пустому дну ступок; эстрадный скетч о появлении «близкого родственника»; сочный актерский этюд про то, как погулял делала; поэтическая сцена сумасшедшей Марго. Жанровые зарисовки легко соединяются с гротеском и лирикой, соединяются с помощью особых сценических рифм, например, умирающие герои очень просто уходят с платком в безжизненно повисшей руке.

Бачану Рамишвили играет Гоги Кавтарадзе. Его Бачана — человек с природным юмором, человек мягкий, но в вере своей негибкий. Бачана, наш современник, герой романа, сыгран артистом очень просто, Кавтарадзе словно о друге нам рассказывал или о соседе.

В Шейлоке же у него каждая черточка внешнего облика создана специально и осмыслена художественно. Раскачивающаяся походка, перебирание золотых четок, постоянно живущая в героине сосредоточенность на чем-то своем, другим неизвестном... Кавтарадзе рассказал о мужестве волка, окруженного охотниками, о злости и отчаянии загнанного человека. Мы не увидим на сцене, как травили Шейлока, мы увидим, как рвется он к мести и не достигает своего. Кавтарадзе сыграл мощь личности, имеющей право на дьявольский хохот, когда до толе благородно индифферентная толпа бросается в пыль за золотыми косточками разорвавшихся четок.

Фарсман Перс из «Десницы великого мастера» — хитрец и философ, рассуждающий о высоком и ворушащий подсвечники. Кавтарадзе уверенно пользуется палигроем разнообразных красок, особенно умеет и любит он играть хитрость — полноценную, но всем заметную.

Спектакли Сухумского театра оформляли разные художники, а кажется, что один. Ну добро бы, режиссер был единственный, почему-то подчиняющий их такой задаче. Так ведь нет. Что это, странная традиция данного театра или автоматизм, инерция иностранственного мышления? Действие всех спектаклей окружено тремя стенами или занавесами — светлыми в «Законе вечности», розовыми — в «Кулеце», коричневыми — в «Деснице», черными — в «Дне приема», серыми — в «Числах» и темными (с прожженными дырами) — у «Фрон-

та». В центре сцены — пуста; время от времени появляются небольшие предметы — больничные койки, современные кресла, трон, макет корабля... Сверху почти во всех спектаклях что-нибудь да повисает — птицы, абакур, барабан, микрофон, фрески, стены храма, просто канаты и т. д. Создается, на мой взгляд, излишне однообразная картина, не используются многие возможности театра.

Театр обладает высокой пластической и музыкальной культурой. Замечательна музыка С. Цицадзе к пьесе Шекспира. Правда, режиссура ни разу не удержалась от «режиссуры аплодисментов», когда зрителям «помогает» ритмичная музыка. Вряд ли театру стоит выпрашивать хлопья, надо получать заслуженное, а не проводить разминку ладоней, похожую на «аэробик». Патетическая сдержанность, строгость пластических сцен «Десницы великого мастера» прекрасны своим соответствием остальной жизни спектакля. А вот балетные движения, изображающие во «Фронте» бой, смотрятся будафорскими, абстрактно героическими.

Режиссерскому почерку Кавтарадзе присуща внутренняя энергия, его постановки динамичны, но не всегда отвечают строгому вкусу. Лучшая работа — спектакль по роману Гамсахурдиа, где умело стилизовано время, где воссоздан истинный эпический размах событий. Кавтарадзе приблизил мир автора к миру шекспировскому, с его затаенной силой, сочетанием трагедии и веселого разгула. «Фронт» поставлен несколько формально, в нем так и не было найдено гармоничного союза быта и условных приемов, и возник схематизм. Герои, выходящие из боя в выглаженных гимнастерках, доверия не вызывают. Античная же форма статичного диалога предлагает испытать уважение к монументам, а нам бы людей понять да полюбить. «День приема» решен сухо, но точно. А вот «Числа», пьеса об этике, чести и человеческих эмоциях, решена почему-то как производственная драма, на сей раз сухо, но неточно. Кавтарадзе и в режиссуре, подобно актерскому творчеству, выполняет обычно локальные задачи: когда идет диалог двух персонажей, он обычно понял глубоко, но остальная сцена мертва. Режиссура — целостное видение мира в зеркале театра. У Кавтарадзе же часто действуют лишь лица действующие.

Сухумский театр — труппа замечательных артистов. Мы были рады встрече с Н. Бекаури и Д. Джанаши, с М. Чубинидзе и Г. Сирадзе, с В. Аргвиани, Л. Хурти и многими другими исполнителями.

Широкоупотребимое выражение «творческий отчет» все-таки имеет канцелярский оттенок. У артистов каждый вечер творческий отчет. Вот творческий отчет после столетних гастролей пойдет совсем иной. Долго еще в театре будут говорить: это было до гастролей в Москве, а это случилось уже после!

Мы познакомились со страстным, живым искусством Сухумского театра. Зрители, смотревшие спектакли, принимали гостей тепло и радушно.

Владимир ОРЕНОВ.